

## РЕФОРМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В ПРЕСЛАВСКОЙ ШКОЛЕ СИМЕОНА

Г. А. ХАБУРГАЕВ

1. Принято считать, что в древнюю Болгарию тексты на старославянском языке попадают при князе Борисе (852–889) на рубеже 885–886 гг. вместе с учениками славянских первоучителей в результате трагических событий, имевших место в Моравии после кончины Мефодия [см.: Бернштейн, 1984, с. 126–132]. Центром деятельности славянских книжников в этот период оказывается юго-запад государства — крайний район Македонии, где вокруг будущего болгарского епископа Климента, одного из учеников Константина и Мефодия, складывается так называемая Охридская школа, предшествовавшая расцвету славянской книжности в восточной Болгарии при сыне Бориса царе Симеоне (893–927).

Ко времени появления Климента и его сподвижников Болгария уже два десятилетия была христианской страной, в церковном отношении связанной с Византией, поставлявшей сюда кадры духовенства. Крещение Болгарии произошло в конце 864 или в 865 г. (документы 864 г. упоминают о намерении „короля болгар“ принять христианскую веру; а 866 годом датированы ответы папы Николая I на несохранившееся письмо Бориса, из которых следует, что уже крестившийся болгарский правитель просит разъяснить широкий круг вопросов, связанных с новым вероисповеданием, и интересуется возможностью организации в Болгарии автокефальной церкви), т. е. сразу же после присоединения к ней Македонии (в 864 г.) — одной из областей древнего Иллирика, входившего (вместе с Паннонией) в состав обширной митрополии с центром в Сирмии (разрушенном аварами в 582 г.), зависевшей от Рима и к VI в. имевшей многочисленные поселения славян (I), которые уже в то время могли принимать крещение [см.: Соколов, 1879, с. 118–120]. Видимо, поэтому в первый период христианства в Болгарии, административная и церковная столица которой находилась на востоке (в Плиске, а затем в основанном Симеоном Преславе), славянское духовенство и центр славянской книжности сосредоточиваются в западных районах (см. там же, с. 117). Ср. осмысление этого факта в более позднем по времени создании Житии Климента: „Тогда же и Климентъ на епископский прѣстоль возводит се, *вѣсему Илирику...* въ Лихидонѣ градѣ илирическому... иже ннѣ Охридъ именует се“ [Лавров, 1930, с. 194].

Вопрос об организации в Болгарии епископской кафедры был решен только 28 февраля 870 г. на 10-м заседании Константинопольского собора<sup>1</sup>. С этого времени не только фактически, но и официально на протяжении почти четверти века языком богослужения в Болгарии оставался греческий.

2. Тот факт, что Борис в описанных условиях принял учеников Константина и Мефодия и дал им возможность работать, говорит о его заинтересованности в славянской книжности. По-видимому, болгарский правитель уже задумывался над необходимостью замены в богослужении греческого языка славянским в своем государстве с преимущественно славяноязычным населением. Задача новоприбывших славянских книжников в этот период, скорее всего, и состояла в подготовке условий для осуществления этого плана, что и позволило Симеону принять в 893 г. на Преславском соборе решение об отказе от греческого языка и объявить официальным языком государства и церкви старославянский.

Создание книжной школы в Охриде обычно объясняют внутриполитической обстановкой: „Открытие такого училища в резиденции князя или в другом каком-нибудь центре Восточной Болгарии вызвало бы подозрение у греческого духовенства, которое не замедлило бы помешать и даже сорвать это хорошее начинание, и могло бы вызвать негодование среди тех болгарских бояр (потомков протоболгар. — Г. Х.), которые не разделяли славянской политики своего князя” [Златарски, 1934, с. 225]. Но вряд ли при этом случайно, что Борис остановил свой выбор на области давних и устойчивых христианских традиций (см. п. 1), входившей в тот славянский диалектный ареал, один из говоров которого послужил в свое время основой славянских переводов Константина Философа.

С Охридской школой обычно связываются древнейшие сохранившиеся глаголические рукописи (кроме моравских Киевских листов), которые, как принято считать, непосредственно продолжают традиции основоположников старославянского языка. Здесь, в Болгарии, — не только на западе, но затем и на востоке, в Преславе, — создаются тексты, позднейшие списки которых являются для современных исследователей старейшими (вместе с Киевскими листками) представителями старославянского языка; и именно здесь за столетие, отделяющее сохранившиеся древнеболгарские рукописи

---

<sup>1</sup> Сохранились материалы прений, из которых следует, что папские легаты, настаивая, чтобы епископ и священники посылались в Болгарию из Рима, напомнили, что на весь Иллирик издавна распространялась юрисдикция Римской церкви. Послы Бориса, не отрицая этого, указывали, однако, что когда предки болгар (в конце VII в.) вторглись в Мизию и северную Фракию, они изгнали оттуда греческих (а не римских) клириков. Создается впечатление, что именно поряжение на Константинопольском соборе побудило папу Адриана II в том же 870 г. согласиться на организацию в Паннии славянского диоцеза, епископом которого по просьбе Коцела и был назначен Мефодий [ср.: Соколов, 1879, с. 208—209].

от появления учеников Мефодия на Охридском озере, происходят новации, определяющие судьбу старославянского языка в православной Славии.

3. Созданный при ориентации на живой славянский диалект своего времени, старославянский язык и в Моравии, и в Болгарии, и затем в Сербии, и на Руси воспринимался как родной язык к н и ж н о с т и, поскольку „обслуживал литературу народов, говоривших на близких к нему наречиях одной языковой системы“ ([Толстой, 1961, с. 64]; ср.: [Вечерка, 1985, с. 188; Хабургаев, 1984, с. 12]). Такое восприятие старославянского языка, поддержанное преемственностью практической книжной деятельности (в Моравии в окружении славянских апостолов были ученики, пришедшие с ними из Византии; в Болгарии – в Охриде, а затем и в Преславе подвизались ученики солунских братьев, работавшие с ними в Моравии), обеспечивало стабильность его норм по крайней мере до создания преславского кружка Симеона и осуществленных им реформ. Древнеболгарские памятники X–XI вв. обнаруживают, что восходящие непосредственно к кирилло-мефодиевским традициям „охридские“ черты в них остаются достаточно устойчивыми, „традиционно книжными, в значительном количестве конкретных случаев стилистически мотивированными, высокими“ [Цейтлин, 1977, с. 288]. И хотя сохранившиеся рукописи создавались спустя не менее столетия после того, как началось взаимодействие двух основных древнеболгарских школ книжности, тем не менее очень заметно, что „охридская школа письменности оказывала большее влияние на преславскую школу письменности, чем эта последняя на охридскую“ (там же; ср. еще: [Цейтлин, 1986, с. 71–74]).

Хорошо известная архаичность орфографии и морфологии глаголических рукописей по сравнению с кириллическими позволяет думать, что на первом этапе книжной деятельности в Болгарии (до преславских реформ) приспособления традиционных норм к местным условиям не происходило [ср.: Мареш, 1961, с. 19]. Напоминанием об этом можно считать единичные написания охридских рукописей, сохраняющие моравский рефлекс \*dj: *розъство*, *визъь* (Мар. ев.), *невѣзъства* (Син. пс.), *розъство* (Сб. Клоца – трижды) и нек. др. (см.: [Дурново, 1929, с. 49]). „Неприкосновенностью“ кирилло-мефодиевской орфографии следует объяснять и те черты старших глаголических памятников, которые заставили в свое время Н. Н. Дурново высказать предположение, что в Болгарию наряду с текстами, созданными в Моравии, могли попасть и рукописи „доморавской“ орфографической традиции (там же, с. 52–53). Язык евангельских текстов (связанных с первыми переводами), прежде всего глаголических (Зогр., Мар. и Ас. ев.), „сравнительно с другими [старославянскими памятниками] отличается определенной архаичностью“ также в плане словоупотребления и словообразования [Цейтлин, 1977, с. 288]; а из кириллических рукописей того же периода ближе всего к этой группе оказывается опять-таки евангель-

ский текст Сав. кн. (там же, с. 291), лексическое своеобразие которого заключается в том, что здесь „восточноболгаризмов больше, и они выступают как бы более систематично“ [Львов, 1966, с. 302]. Это, безусловно, явилось следствием перемен, произошедших на рубеже IX—X вв. в восточной Болгарии.

4. Накопленные наблюдения над региональными древнеславянскими рукописями подсказывают, что в восточной Болгарии язык славянских переводов подвергся „основательной переработке“ [Трубецкой, 1927, с. 61]. А началась она с введения в употребление новой азбуки, созданной „на основе греческого заглавного письма с добавлением некоторых букв глаголицы“, которую, по остроумному замечанию Н. С. Трубецкого, лишь « по недоразумению принято называть „кириллицей“, хотя лучше было бы называть ее „симеоницей“ » (там же, с. 62). В истории славянской книжности это предприятие оказалось эпохальным: сохраняя языковую систему первоучителей, оно в то же время создавало возможность творческого вмешательства в систему норм старославянского языка. О том, что именно так — как кардинальная реформа славянской письменности — воспринималось нововведение симеоновского кружка ортодоксальными приверженцами кирилло-мефодиевских традиций, свидетельствует знаменитая апология черноризца Храбра „О письменах“, прославляющая великий подвиг „Константина Философа, называемого Кириллом“.

5. Сочинению Храбра посвящена обширная литература, обобщенная в 1967 г. в капитальном исследовании К. М. Куева<sup>2</sup>, с выводами которого во многом можно согласиться, хотя некоторые пункты и вызывают возражение. Считая, что это произведение создано в период обсуждения вопроса о замене в Болгарии греческого языка старославянским (см. выше п. 2), К. М. Куев полагает, что Храбр выступал против „триязычной ереси“, защищавшейся „греческой партией“ под влиянием (?) византийского духовенства (см.: [Куев, 1967, с. 72–78]). Прямых свидетельств распространения „триязычия“ в восточнохристианском мире нет (см. там же, с. 72), поэтому аргументом для автора являются высказывания византийских деятелей, обнаруживающие их пренебрежительное отношение к отпавлению культа на других языках, кроме греческого (там же, с. 73–75). Между тем эти высказывания находятся в прямой связи с пренебрежением „ромеев“ (Ῥωμαιοι — в отличие от Ῥωμαιοι ‘римляне’) ко всем другим народам и к их языкам (не исключая и латыни!) как варварским, не способ-

---

<sup>2</sup> Автор опирался на 73 списка сочинения (включая 6 фрагментов); в 1980 г. А. Джамбелука-Коссова учитывает уже 80 списков XIV—XVIII вв. южно- и восточнославянского происхождения, что указывает на широкую популярность апологии Храбра в эпоху позднего средневековья, когда она, утратив первоначальную полемическую направленность, воспринималась как достоверное свидетельство по истории создания славянской письменности. Думаю, в отличие от К. М. Куева, что до нас дошло не резюме обширного трактата, а вполне законченное произведение (ср.: [Коссова, 1980, с. 8–9]).

Ным адекватно выразить высокое содержание священных текстов (ср.: [Флоря, 1981, с. 23]), что отнюдь не означало запрещения богослужения на этих языках, хотя и не поощряло его.

Истоки „триязычия“, имевшего хождение среди западохристианского духовенства, принципиально иные. В основе этой идеологии, которая в глазах римского клира была именно ересью (о чем свидетельствуют постановления соборов и буллы пап – см. там же, с. 26, 130, 136, 196–197), лежала по сути дела фанатичная вера в святость только трех языков, для разьяснения надписями на распятии. Иные языки могут использоваться для разьяснения неграмотным прихожанам основных догматов и для чтения простейших молитв; но в священных книгах и в богослужении они недопустимы, ибо неугодны богу (ср. там же, с. 26–27 и далее).

6. С позиций современных филологических представлений, Храбр доказывает не превосходство старославянского языка над греческим, а совершенство славянской азбуки как способа передачи славянской речи на письме. Уже с первой фразы он вводит читателя именно в эту проблему, напоминая, что до крещения славяне вообще не имели письменности, а, приняв христианство, вынуждены были пользоваться чужим письмом, в том числе и греческим, которое не имело знаков для передачи целой серии славянских фонем, перечисленных Храбром почти исчерпывающе ([б], [ж'], [д'э'], [ц'], [ч'], [ш'], [ѣ], [ѡ], [ѣ] и др.). Отмечая, что греки заимствовали письмо (но не язык и не тексты!) у финикийцев, Храбр обращает внимание на то, что совершенствовали его в течение длительного времени язычники (!), между тем как славянское письмо создано святым (!), который выполнил эту работу за короткое время один (!), составив оригинальную азбуку, предназначенную для записи священных книг. Доводы Храбра, как и воспроизводимая им азбука, не оставляют сомнений, что он противостоит созданную Константином глаголицу<sup>3</sup> греческому письму (см.: [Дурново, 1929]; ср.: [Ткадлчик, 1963, с. 340–343; Гъльбов, 1980, с. 80–81]; см. обзор: [Флоря, 1981, с. 56–62]).

Развивая систему доказательств в защиту преимуществ азбуки первоучителя, Храбр поминает также и историю греческих переводов Библии. Это послужило поводом для дискуссий относительно того, что он, возможно, защищал не азбуку, а переводы Константина (см.: [Кувс, 1967, с. 30–32 и далее]). В этих дискуссиях подчас не учитывается синкретизм представлений о средневековых книжниках о графике, орфографии, языке и содержании („истинности“) священного текста (ср.: [Ткадлчик, 1963, с. 343]), что отчетливо обнаруживается еще в XVI–XVII вв. в реакции защитников старины на „книжные спра-

<sup>3</sup>То, что глаголица была создана специально для записи текстов священного писания, отражено, между прочим, в начертании ее первой буквы, воспроизводящей христианский символ: + = „а“ (у Храбра: «яко и пръвому сущу писмени „азъ“ и от бога дану роду словъ ѿскому на отвръстие усть въ разумъ учащимся буквамъ»). Английский славист Р. Оти, напоминая об этом, обратил также внимание и на то, что обычная для славянских свравленных текстов сокращенная запись имени Христа глаголицей оказывается симметричной:  $\text{S V} = \overline{\text{IC}}$  (см.: [Оти, 1971, с. 44]).

вы”, когда замена букв или падежных окончаний воспринималась как порча самого текста священного писания (см.: [Сирмаха, 1979, с. 4–8]).

Текст Храбровой апологии убеждает, что ее автор считал не целесообразным пользоваться греческой графикой при записи славянских переводов священного писания. А это значит, что его выступление было адресовано восточноболгарским сторонникам славянского богослужения, которые до 886 г. иных способов записи славянского текста не знали.

7. Графические симпатии преславских деятелей понятны. В славянских областях, граничивших с Византией, ко времени появления здесь учеников Константина и Мефодия уже сложилась традиция использования греческих „письмен” для записей на местном языке (см. свидетельство того же Храбра), что после крещения Болгарии поддерживалось употреблением греческого языка в богослужении и официальной письменности<sup>4</sup>. Это и должно было создавать отношения конкуренции между греческим письмом и глаголической азбукой Константина, появившейся здесь после 885 г. Не исключено, что создание кириллицы — как азбуки, дополняющей греческий [униальный] алфавит буквами глаголицы, обозначавшими фонемы, отсутствующие в греческом, — и явилось своего рода компромиссом между сторонниками греческого письма и приверженцами кирилло-мефодиевской традиции, которых представлял черноризец Храбр.

Глубокий параллелизм двух славянских азбук тщательно разобран Н. Н. Дурново, который пришел к выводу, что такие особенности кириллицы, как дифференциация буквенного обозначения [ѣ] и [ѧ] при отказе от дифференциации обозначения [з] и [дз’], и нек. др. черты больше соответствуют языковой ситуации западной Македонии, а не восточной Болгарии, в связи с чем высказывает предположение, что „особенности кириллицы, отличающие ее от глаголицы, возникли не на Востоке” [Дурново, 1929, с. 73–76]. Не принимали ли участия в „устройении” новой азбуки по модели глаголицы сотрудники Охридской школы? И не отголоском ли глухих воспоминаний о выполнении такого заказа является утверждение Дм. Хоматиана (нач. XIII в.), будто Климент придал „другие формы буквам для большей ясности по сравнению с тем, что сделал мудрый Кирилл” [Кувс, 1967, с. 29].

В „Устройении” кириллицы не повлекло за собой запрета на глаголицу. В той же Болгарии обе азбуки продолжали употребляться параллельно, представляя разные (и при этом взаимодействовавшие, а не противостоявшие друг другу! — ср. п. 3) школы письменности; и обе они были известны на Руси, куда первые книги прибыли из Болгарии<sup>5</sup>.

<sup>4</sup>Злиграфические памятники VIII–IX вв. в восточной Болгарии представляли греческими текстами. Находки последних лет в Преславе свидетельствуют, что и в X в. здесь наряду с кириллическими продолжают встречаться греческие надписи (см.: [Овчаров, 1979, с. 190]).

<sup>5</sup>Об этом свидетельствует хотя бы распространение на Руси именно кириллической письменности. Известно, однако, около полутора десятков восточнославянских рукописей XI–XVI вв., употребляющих глаголические буквы (см.: [Ильинский, 1929, с. 101–102]).

Вместе с тем создание азбуки, учитывавшей местные традиции письма, явилось прецедентом, открывавшим возможность приспособления языка христианских книг к местным культурно-языковым условиям, что со временем особенно заметно отразилось в жанрах, „которые не были характерны или известны в древнеславянском языке классического периода, т. е. старославянском“ [Толстой, 1963, с. 235]. Языковые различия между глаголическими и кириллическими древнеболгарскими рукописями (см. п. 3) очень показательны в этом плане: созданные в одно время в пределах одного социально-культурного ареала и отразившие взаимодействие между разными школами этого ареала, они вместе с тем отразили и разное понимание представителями разных школ отношений между нормами книжно-литературного языка и особенностями родного языка, который они соотносили с языком книжности (ср.: [Хабургаев, 1985, с. 37–39]).

9. Сама возможность реформы, осуществленной в симоновской Болгарии, предопределена спецификой той культурно-языковой ситуации, которая создавалась в славянских странах, использовавших в качестве орудия культа и культуры старославянский язык, воспринимавшийся как кодифицированная разновидность родного языка (см. п. 3). При этом именно преславский прецедент открыл возможности „национализации“ его норм в плане сближения их с отдельными чертами родного языка книжников в тех звеньях языковой системы, где существовало противопоставление (см.: [Хабургаев, 1984, с. 13–16]).

Результатом перестройки прежнего отношения к письменно-языковой традиции явилось оформление локальных вариантов древнеславянского литературного языка, которые уже достаточно определено обнаруживаются в рукописях XI в.; ср. синхронные по времени создания Супр. рук. или Ен. ап., с одной стороны, и Остр. и Арх. ев. — с другой, в их отношении к языковым особенностям Киевских листов, представляющих моравские традиции примерно той же эпохи. И хотя в силу понимания славянскими книжниками общеславянской сущности того литературного языка, которым они пользовались, в его длительной истории „периоды действия центробежных сил сменялись периодами действия сил центростремительных, ведущих к унификации норм“ [Толстой, 1961, с. 59 и далее], это уже были тенденции, характеризовавшие развитие и взаимодействие локальных вариантов (и з в о д о в) церковнославянского языка, которые, как варьирующееся в пространстве и неравномерно развивающееся во времени потомство старославянского языка, вполне оформились к XI ст.

THE REFORM OF OLD SLAVONIC IN PRESLAV SCHOOL  
OF SIMEON

G. K H A B U R G A Y E V

Summary

The article deals with the history of Cyrillic alphabet foundation in East Bulgaria under Simeon (893—927). The creation of a new Old Slavonic alphabet in which some letters from the Glagolitic alphabet were introduced to express the Slavonic phonemes missing in the Greek language is treated by the author as the reform of the Old Slavonic. This reform is regarded as the first attempt to apply an Old Slavonic norm to the native language of the Old Slavonic writers.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн, 1984 — Б е р н ш т е й н С. Б. Константин Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.
- Вечерка, 1985 — В е ч е р к а Р. Письменность Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.
- Гълъбов, 1980 — Г ъ л ъ б о в И. Старобългарски език с увод в славянското езикознание. София, 1980. Ч. 1.
- Дурново, 1929 — Д у р н о в о Н. Н. Мысль и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // Byzantinoslavica. Praha, 1929. Т. 1.
- Златарски, 1934 — З л а т а р с к и В. Н. История на българската държава през средните векове. София, 1934. Т. 2.
- Ильинский, 1929 — И л ь и н с к и й Г. А. Погодинские кирилловско-глаголические листки // Byzantinoslavica. Praha, 1929. Т. 1.
- Коссова, 1980 — Черноризца Храбър. О писменехъ. Критическо издание // Изготовила Алда Джамбелуке-Коссова. София, 1980.
- Кувев, 1967 — К у е в К. М. Черноризца Храбър. София, 1967.
- Лавров, 1930 — Л а в р о в П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- Львов, 1966 — Л ь в о в А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
- Мареш, 1961 — М а р е ш В. Ф. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве // ВЯ. 1961. № 2.
- Овчаров, 1979 — О в ч а р о в Д. Нови епиграфски памятници от Преслав // Плисека—Преслав. Прочувания и материали. София, 1979. Т. 1.
- Оти, 1971 — А т и у R. Old and new ideas on the sources of the glagolic alphabet // Константин-Кирилл Философ: Доклады от симпозиума, посветен на 1100-годишнина от смъртта му. София, 1971.
- Сиромяха, 1979 — С и р о м а х а В. Г. Языковые представления книжников Московской Руси второй половины XVII в. и „Грамматика“ М. Смотрицкого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология, 1979. № 1.
- Соколов, 1879 — С о к о л о в М. И. Из древней истории болгар. СПб., 1879.
- Ткадличек, 1963 — Т к а д л i č i k V. Dvě reformy blahoslávno písemnictví // Slavica. 1963. R. 32. S. 3.
- Толстой, 1961 — Т о л с т о й Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // ВЯ. 1961. № 1.
- Толстой, 1963 — Т о л с т о й Н. И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. М., 1963.
- Трубецкой, 1927 — Т р у б е ц к о й Н. С. К проблеме русского самопознания: Собрание статей. Париж, 1927.

Флоря, 1981 — Сказание о начале славянской письменности / Вступит. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981.

Хабургаев, 1984 — Хабургаев Г. А. Старославянский—церковнославянский—русский литературный // История русского языка в древнейший период. М., 1984.

Хабургаев, 1985 — Хабургаев Г. А. Специфика объектов науки о языке (методологический аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология, 1985. № 5.

Цейтлин, 1977 — Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977.

Цейтлин, 1986 — Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. София, 1986.

Московский государственный  
университет им. М. В. Ломоносова  
Кафедра русского языка

*Январь 1987*